

18+

Валериан П.
Такая вот жизнь, братец—3

Диалоги с самим собой

Валериан П.

**Такая вот жизнь, братец
—3. Диалоги с самим собой**

«Издательские решения»

П. В.

Такая вот жизнь, братец—3. Диалоги с самим собой / В. П. —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749553-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Очередной круг ада, по которому спускается в
преисподнюю душа нашего героя. Ситуация тривиальная: жениться, бросив
его теперешнюю жену и сына, или не жениться, оставив всё как есть. Шансы
приблизительно равные: и тут, и там есть ребенок, и одного надо бросить,
чтобы стать отцом другого. Вот он и решает, как лучше для него, для всех...
Расчёт говорит ему одно, а сердце — другое. Налицо конфликт здравого
смысла и любви. ...А может, похоти...

ISBN 978-5-44-749553-4

© П. В.

© Издательские решения

Содержание

Возращение на круги своя	6
Зигзаг на пути домой	12
Гадание, но не на кофейной гуще	22
Роковое признание	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Такая вот жизнь, братец—3
Диалоги с самим собой
Валериан П.

© Валериан П., 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возращение на круги своя

Поезд молей мечты

21.06.79

Сегодня моя последняя ночь в Нигерии (см. Такая, Вот, Жизнь, Братец – 2) Сегодня всё в последний раз: мой последний рабочий день на стройке и прощание с коллегами-переводчицами (не очень искреннее: они завидуют мне, а я им), последний обед в столовке, последняя поездка в Лагос, последняя прогулка по площадке. ... Вот и сейчас, в последний раз завалюсь в койку и засну под шум кондиционера и урчание холодильника. И эти приглушенные голоса, и музыка, доносящиеся из нашего кинотеатра под открытым небом, – всё это в последний раз...

Странно, но при мысли о долгом перелёте домой уже не страшно. На душе покой, как у человека, достойно завершившего своё дело. Может это оттого, что на неделю назад благополучно отправил на родину любимую женщину с пятимесячным ребёнком в утробе? Не знаю. Может, и так. Эти полгода пролетели, как один день. Я был влюблён и любим, рядом была самая роскошная в мире женщина, и вообще... всё было окей. Были, конечно, и тревожные моменты. Пару месяцев назад С. подхватила малярию, пришлось обратиться в медсанчасть. Пришла врачиха, осмотрела её и говорит: «А вы знаете, вам надо срочно ехать в Союз. У вас прощупывается большая киста в матке». Но С. осталась: надо было дорабатывать контракт. И надо сказать, пахала она наравне со всеми нами: и на переговорах, и в поездках по фирмам и на трассу. Приходилось, как всем, простаивать часами в душных дорожных пробках и грязь месить на трассе. А по воскресеньям мы ездили на океан. Но теперь она уже дома, у неё все позади, а мне ещё предстоит и перелёт, и встречи...

Сегодня моя последняя ночь в Нигерии (см. Такая, Вот, Жизнь, Братец – 2) Сегодня всё в последний раз: мой последний рабочий день на стройке и прощание с коллегами-переводчицами (не очень искреннее: они завидуют мне, а я им), последний обед в столовке, последняя поездка в Лагос, последняя прогулка по площадке. ... Вот и сейчас, в последний раз завалюсь

в койку и засну под шум кондиционера и урчание холодильника. И эти приглушенные голоса, и музыка, доносящиеся из нашего кинотеатра под открытым небом, – всё это в последний раз...

Но мыслей о доме – нет. Не хочется думать, как всё будет ТАМ, как встретят, что надо будет говорить и т.д., и т. п. Если всё обойдётся, и я останусь жив (а как же иначе!), буду считать, что мне крупно повезло. А всё остальное – мелочи жизни.

Но мыслей о доме – нет. Не хочется думать, как всё будет ТАМ, как встретят, что надо будет говорить и т.д., и т. п. Если всё обойдётся, и я останусь жив (а как же иначе!), буду считать, что мне крупно повезло. А всё остальное – мелочи жизни.

...Сегодня утром ездил с бухгалтером в Лагос, в нигерийский банк за зарплатой рабочим. Там нам выдали сто тысяч найр наличными (это около двухсот тысяч долларов), а у нас ни охраны, ни личного оружия. Помню, как, запихивая пачки купюр в мешок, я нервно поглядывал по сторонам и, встречаясь взглядом со стоявшими поодаль служащими, видел, как они отводят глаза в сторону. Провожаемые взглядами клерков и охраны, мы вышли на улицу, прошли к стоянке и сели в наш хилый «жигуль». И в трафике потом стояли, а вокруг – набитые нигерийцами машины. Любой мог вытащить пушку и расстрелять нас на месте... Но, ничего, слава Богу, пронесло. Лишний раз доказывает, что я родился в рубашке...

...Помню тоже, был случай, ещё на первом году моей жизни здесь. Группу наших спецов направили в соседний с Нигерией *Бенин* и меня прикомандировали к ним в качестве переводчика. Там, в порту столицы Бенина Котону разгружался наш сухогруз. Ну, приехали, разместились в одной из кают и, как водится, решили отметить приезд. Я надрался, как собака, стал выступать («не по делу», как мне потом объяснили) и шофёр нашего зам гендиректора Коля – здоровый такой бугай – вырубил меня ударом в челюсть. На следующий день, я проснулся со страшной головной болью. Вижу, что лежу в каюте один в разорванной майке, а на столе записка с приказом отправляться назад с колонной разгруженных КраЗов. Пришлось возвращаться на стройку. Думал, первым же рейсом отправят в Союз, но дело замяли, хотя потом мне частенько припоминали эту драку. Но не в этом дело. Перед поездкой в Бенин мне выдали чековую книжку на пару тысяч долларов на непредвиденные расходы, которую, вернувшись, я сразу же сдал в бухгалтерию. Помню, как укоризненно посмотрел на меня бухгалтер, молча принимая ее из моих рук и засовывая в сейф. Все уже всё знали. Да, первый год прошёл совсем не так, как этот...

Потом был отпуск, два месяца томительного ожидания в Питере и Эстонии, телеграмма о продлении срока и мой приезд на строительство. Вместе со мной сюда приехала аудиторская комиссия, начали всех шерстить. В результате сняли с работы почти все начальство вместе с гендиректором. Однажды вызвали и меня «на ковёр». «Вот, вы, – говорят – ездили в командировку в *Котону* и не отчитались за полученную сумму в американских долларах. Где они»? «Так я же все сдал в бухгалтерию», с ошарашенным видом отвечаю я. «А где расписка»? «Какая расписка»? «О том, что деньги сдали». «Нет у меня никакой расписки», говорю я, а у самого все похолодело внутри. Рассказываю, как все было. Полезли в сейф, стали там рыться и нашли-таки на дне эту злополучную чековую книжку (а бухгалтера к тому времени уже в Союз отправили). Потом приводили меня в пример. «Вот, – говорят, – все у нас мошенники, один только переводчик П. честным оказался»...

Но всё это позади. Сколько всего позади осталось! Целая страница жизни. Страница, где каждая строчка дышит любовью и счастьем. Как ни странно, но в дневнике об этом ни слова. Наверно, некогда было. Каждый день был заполнен до краёв. Утром – ожиданием встречи с Ней, вечером – ожиданием ночи. И всё как-то само собой крутилось, всё получалось.

Моё сближение со С. было стремительным и неотвратимым. Похоже, мы, сами того не сознавая, с космической скоростью неслись навстречу друг другу. Первое время мы едва замечали друг друга. С. была окружена целой сворой ухажёров и поклонников, среди которых были и важные «шишки», а я все ждал и не ждал приезда жены, пребывая в подвешенном

состоянии. Вначале наше общение было ограничено комнатой переводчиков, где мы убивали время в досужих разговорах в ожидании «вызова», а потом расходились по рабочим «точкам», будь то переговоры, поездки в Лагос или по трассе. И всё – больше мы друг друга в упор не видели. Ну, может быть, вечером, сталкивались лбами на площадке открытого кинотеатра. Но, видимо, уже тогда возникали сближавшие нас импульсы, заставлявшие нас нет-нет, да и вспомнить сказанную утром фразу, а то и выражение лица говорящего, вызывавшие желание что-то сказать в ответ. ... Да, пожалуй, эти разговоры по утрам, особенно, когда мы бывали одни в комнате, и послужили началом сближения... Оказывается, С. тоже интересуется эзотерикой. Тут я нашёл с ней общий язык, тут я смог «развернуться», рассказывая ей о «третьем глазе», «бермудском треугольнике», о телекинезе и фотографиях *Кириана*, короче, обо всем том, что вычитал в недавно купленных книжках в бумажных обложках. Она с интересом слушала мои пересказы, откликалась на них своими историями о ясновидении и телепатии. Упомянула и о своих способностях в этой области. Я чувствовал, как ломаются барьеры, разъединявшие нас, как мы становимся все ближе и ближе друг к другу... Удивительно, как в эти моменты преображалось её лицо. Куда девались её внешняя неприступность, деловой тон, высокомерная снисходительность «столичной штучки». Её глаза темнели, они начинали искриться каким-то переливчатым блеском, испускали лучи, словно грани волшебного бриллианта.

Потом, эти ночные поездки в аэропорт Лагоса, где мы встречали вновь прибывших спецов. Она пару раз увязалась со мной, а потом, уже под утро, приглашала к ней «на чашку кофе». Были и другие приметы. ... Как-то мы с топографом выехали на берег Атлантики: нужно было проверить на карте место выхода трубопровода в океан для загрузки танкеров на рейде. Нас было двое: специалист за рулём и я. Мы довольно медленно продвигались по пустынному пляжу в поисках обозначенного на карте места, время от времени так сильно увязая в сыром песке, что приходилось подкладывать сухие пальмовые ветки под колесом уазика, чтобы сдвинуть его с места. Наконец, топограф нашёл-таки это злосчастное место, и мы отправились назад. Надвигались быстрые африканские сумерки, а мы, как назло, не могли найти выезда с пляжа на шоссе. Рация топографа «сдохла», и мы не могли связаться со «своими». Наконец, заметив на пути пару хижин в пальмовой роще, мы упросили местного селянина (за мзду, конечно) проехать с нами сквозь пальмовые заросли до шоссе. Была уже полночь, когда мы, наконец, добрались до нашего ближайшего пункта на трассе. Радист хмуро приветствовал нас, сообщив, что нас уже обыскали по радиосвязи.

– Кто из вас П., – поинтересовался он, окинув нас сонным взглядом. Я назвал.

– Тут тебя какая-то переводчица ищет. Все подстанции обзвонила. Метала громы и молнии, все требовала срочно Вас отыскать, грозилась всех нас в Союз отправить, если не найдём. Это, что жена твоя?

– Да нет, – замялся я, – просто, наша начальница.

Вот тогда-то я и понял, что С. на меня «запала». И я, что называется, тоже на неё «глаз положил». На работе мы откровенно глазели друг на друга, обменивались многозначительными улыбками (что, конечно, не могло ускользнуть от внимания наших «коллег»). Дома я рисовал в воображении нашу близость, распаяя похоть. С. видимо почувствовала моё влечение к ней. ... Она занялась своей внешностью, сменив старомодную причёску «училки» на затейливые кудряшки, простенькую юбку на стильные вельветовые джинсы, а на её шею заиграла массивная золотая цепочка. И вот я уже, ничтоже сумняшеся, регулярно забегая к ней с парой бутылок пива, которые мы распиваем вместе перед началом очередного «кинопоказа» (С. жила одна, что было большой привилегией для нашего брата-переводчика). Но дальше этого не шло. Никаких попыток «овладеть» ею я не делал – у меня даже в голове этого не было! К тому же, я все ещё остро переживал свою неудачу с моей пассией Т.

В те дни я усердно штудировал недавно приобретённую книгу по оккультным наукам (или искусствам!) с соответственным названием «Оккультизм». Это был увесистый «кирпич», вобравший в себя все, что было известно об искусстве чёрной магии, начиная от древнеегипетской «Книги Мёртвых» и кончая трактатами *П. Успенского* и цитатами из *Гурджиева*. Написал сей труд англичанин по фамилии *Колин Уилсон*, известный писатель-фантаст и исследователь трансцендентального. Чего только в ней не было! Это было увлекательное чтение, но... и только! Здесь можно было найти сведения обо всем, что происходило в этой сфере человеческого бытия. Для меня книга явилась настоящим открытием: столько новых, неизвестных мне имён, религиозных течений, философских концепций, интереснейших историй и биографий. Оказывается, на раннем этапе своей истории христианство было всего лишь одним маленьким ручейком, с трудом, пробивавшим свой путь среди множества других, более мощных и влиятельных религиозных течений. Чего стоят древние *гностики* с их утверждением, что наш мир во зле лежит и находится во власти *Демидурга* (читай, дьявола), а главное *Божество* совершенно не познаваемо умом обычного человека. Вырваться из этого мира можно только с помощью тайных знаний, т. е. *Гнозиса*. Лишь немногие Избранные, или Посвящённые, обладали им, что давало им возможность легко путешествовать во времени и творить чудеса. Одним из таких Посвящённых был *Аполлоний Тианский* (4 г. до н.э. – 96 г. н.э.). Аполлоний был, якобы, учеником Пифагора (570—490 до н.э.) и, хотя между ним и его учителем пролегло несколько столетий, он по-видимому хорошо усвоил нравственную сторону пифагорейского учения. Он был вегетарианцем, воздерживался от плотских удовольствий и проводил время в медитациях и помощи беднякам. Известно (из сочинения древнеримского автора *Филострата*), что главным событием жизни Аполлония было его путешествие на восток, в Индию, где он провёл несколько лет в обществе индийских браминов, или (как теперь считают) великих *Старцев Шамбалы*, которые передали ему тайные знания, сделавшие его магом и провидцем и прославившие на всю Римскую империю. Самое странное в этой истории – это то, что Аполлоний Тианский и *Иисус Христос* жили в одно время, но их пути никогда не пересекались (что, впрочем, неудивительно, если учесть, что первый был знаменитым магом и философом греческой школы, а второй – никому не известным проповедником).

И вот, однажды, за таким, вот, серьёзным разговором, сопровождаемым обильным возлиянием, я осмелился перейти на «петтинг», который закончился бурной оргией в постели. Писать об этом не хочется, да и не надо! Потому что, во-первых, не знаю, что это было: любовь ли, страсть, или просто похоть, разжигаемая зноем африканского солнца. А может, все, вместе взятое, плюс моё жалкое тщеславие и желание «доказать всем», что и я – «мачо» и что не кому-нибудь, а мне удалось «уломать» такую «завидную» бабу. Я даже, где-то, по большому счету, гордился этим! Когда я думаю о наших любовных утехх, на ум приходит один образ: *самка богомола отгрызает самцу голову во время их спаривания...* Вот и я, овладев С., не заметил, как сам лишился самого главного: воли и способности рассуждать трезво. Могу сказать только, что мне было хорошо с ней, хорошо, как никогда в жизни, хорошо в её объятиях, и просто, в её обществе. Особенно в тех искусственных условиях относительного достатка, интересной работы и... лёгкости общения, в которых мы жили в Нигерии. Не надо было ни о чём думать, ничего никому доказывать, не преодолевать никаких трудностей. Все само плыло в руки, и в этом был главный «кайф».

...Да, это была бездна, чёрная дыра. Это было, как затяжной прыжок с парашютом, как погружение в воды пучины. Я, как утопающий, выныривал, чтобы хлебнуть воздуха, и снова погружался в сладострастный мрак. В памяти всплывают какие-то черно-белые кадры. Вот я иду домой, к себе в барак, после напряжённого рабочего дня, потный, прокуренный, но счастливый! Я знаю, что наступит вечер, и я отправлюсь к ней, и мы запнёмся на всю ночь, а утром, до всеобщего подъёма, я, крадучись (хотя всё равно все знают!), вернусь к себе и, наспех приведя себя в порядок, начну новый рабочий день.

И вот что самое удивительное: я совершенно не устал! Это было больше, чем счастье. Я впервые в жизни, может быть, испытал ощущение покоя и полного довольства собой и «моей» женщиной. Со С. я был, как ребёнок в люльке: сытый, ухоженный, любимый и любящий, а главное, совершенно довольный своим существованием. Никаких тебе забот, тревожных мыслей, страхов и тягостной неопределённости.

С. на пляже «Бадагри Бич» перед отъездом на Родину

Так прошло месяца три, наверно. Жену я ждать перестал, хотя писал ей письма и регулярно ездил в аэропорт Лагоса. И вдруг, первый удар, как «ушат холодной воды» на голову: известие о её беременности. Ещё в начале нашей связи, С. безапелляционно заявила: «Если будет ребёнок, воспитывать будем вместе». Я был, конечно, «за», меня эта перспектива даже воодушевила: надо же, она хочет от меня ребёнка! Но потом все было забыто, все дни слились в один нескончаемый поток наслаждений. И вот, надо что-то решать. А что! Почему бы нет! У Максимки будет братишка или сестрёнка, а у меня ещё одно продолжение рода! Но это внесло в нашу жизнь первые, постоянно растущие беспокойства. Главное было сейчас дотянуть до конца её срока. И мы старались. ... И вот, теперь она уже неделю, как дома, и завтра мы встретимся на нашей земле.

...Помню наше прощание в аэропорту. Мы с С. спрятались от посторонних глаз в какой-то нише между киосками и долго стояли там, держась за руки и молча глядя в глаза друг другу. «Ну, я тебя жду», – сказала С. и глаза ее наполнились слезами (клише, но... действительно, так и было!). У меня тоже комок подступил к горлу.

...А, ведь, мог бы остаться на третий год. Сам новый шеф предложил. Вызвал на днях и говорит: «Давай, вызывай жену (у меня аж дыхание перехватило), отправляйся в отпуск и возвращайся. Нам опытные переводчики нужны...». Но я – ни в какую. Так, мол, и так, семья, работа... А у самого в голове одно вертится: *разве я могу предать её*. Ведь, я же обещал!

...Сегодня был день сборов («наши сборы недолги...»). Первым делом упаковал книжки, кассеты, шмотки (для нигерийских *калабасов* – огромных тарелок из сушёных тыков, разрисованных орнаментом, – пришлось сбить из фанеры специальный ящик), раздал кое-какое белье помогавшему мне нигерийцу, и все. Никаких отвалных тебе, ни пьянок (правда, ловил на себе

недовольные взгляды коллег – «скупердяй несчастный»), и вот, лежу себе один, в ожидании автобуса...

И все-таки, страшновато. А вдруг, всё, конец? Мысль о скорой смерти то и дело возникает в голове, портя настроение, и тут не помогают ни мысли о Боге, ни рассуждения о потустороннем мире, реинкарнации и прочей ЧЕПУХЕ...

Зигзаг на пути домой

...Уже неделю, как в Москве... Все страхи позади, все дурные предчувствия и опасения. Все прошло благополучно. В Вене, правда, был эпизод. С нами летел один известный журналист по фамилии Проханов, командированный в Нигерию для очерка о работе наших спецов (в том числе, военных). Это был скользкий, улыбочивый тип, типичный номенклатурщик. Мы с ним, вроде как, разговорились в самолёте. А в Вене «остановка». Сажу я за столиком в зале ожидания, «на ничейной земле», тупо уставившись в проход, ведущий в город – на волю. Там ходит полицейский. Вот, думаю, несколько метров, и ты свободен. От всего. Вижу, выходит Проханов из duty-free, гружёный яркими пакетами с блоками сигарет, виски и других «соблазнов западного мира», выходит и напрямиком ко мне, подсаживается и, так это хитро глядя на меня, произносит что-то, вроде, «ну, что – близок локоть, да не укусишь».

«Ты, говорит, не думай, что там лучше, там тебя никто не ждёт, а назад уже будет трудно-вато». В общем, все правильно, только все это говорится с мерзкой улыбочкой в стиле *Свидригайлова*. Или *Смердякова*. Потом – объявление о посадке, мы встаём и он, крепко обняв меня за плечи, ведёт к самолёту... Ну, а когда уж приземлились в Шереметьево, даже не попрощался. Потом С. мне по секрету сообщила, что он ко мне был приставлен. Боялись они за меня. Все же, переводчик, да и беспартийный к тому же...

...С. встречала меня в аэропорту. Ну, обнялись, расцеловались под недоуменными взглядами летевших со мной ребят. Удивительно, но стоило ступить на «родную землю», как все, что было там, в далёкой Африке, в один миг ушло куда-то в прошлое, стало историей. Было немножко неловко стоять в обнимку со Светланой, но и радостно одновременно. Скользнул взглядом по ее расплзшейся талии... На удивление легко прошли таможду (обошлось парой шариковых ручек с раздевающимися красавицами в корпусе), сели в такси, да и помчались «навстречу новой жизни».

...У С. маленькая двухкомнатная квартира, которой она очень гордится. В ней живут ещё ее мать и сын, тринадцатилетний отрок. Мне не терпелось с ней уединиться, вновь погрузиться в тепло и мягкость ее тела. Удивительно, но ее беременность меня совсем не смущает... Я рад, что у меня будет ещё один ребёнок.

И вот уже несколько дней живу у неё и мне хорошо, словно младенцу на груди у матери. Изредка возникает мысль «а как же там, в Питере?», но я гоню ее прочь. Пока я здесь, я здесь. Приеду и буду ТАМ. И все станет на свои места. Но на душе беспокойно.

...Приехал домой, наконец. И сразу, со всех сторон, проблемы. Обложили, как собаки волка. И вот, мечусь по квартире, как загнанный зверь по клетке (опять, клише). Из гостиной в спальню, из спальни на кухню, из кухни на балкон, и назад. Славу Богу, один: жена на работе, Максимка у родителей. *Командировка моя оказалась, вроде как ни к чему*. Все я сделал «не так» и вот, теперь опять надо «выкручиваться». Как говаривала моя подруга Лена: «Лев боится попасть в ловушку». Должен был бояться, но по природной беспечности, забыл об этом. И попал в неё.

К вечеру немного успокоился... Не так уж все и плохо. Как ни странно, но сейчас основной причиной расстройств стал мой кассетный магнитофон *Panasonic*: он явно не оправдывает моих надежд. Звучит «простужено», плохо воспроизводит. Все шумы слышны. Слушал записи и расстраивался. Ну, да черт с ним. Всё же машина.

...Мысли крутятся вокруг каких-то мелочей: как повыгодней истратить (заработанные таким трудом!) чеки, что купить, как все оговорить с женой, да не обидеть ее. Вот она, проза жизни, ее «посюсторонность». С тревогой отмечаю про себя, что все мои планы, все намётки отодвигаются куда-то вдаль, в туманное далеко. Столько всяких мелких забот... И снова заста-релая тревога: время ускользает, как песок сквозь пальцы.

...Как же на меня ужасно действует моя супруга, как она *давит мне на психику!* Она меня постоянно унижает, я постоянно чувствую ее презрение ко всему, что связано со мной: к моим друзьям, увлечениям, к моим привычкам и поступкам. Как ей чуждо, противно все, чем я живу, какая бездна непонимания, нежелания понять! Все в ней как бы говорит: ты идиот, неудачник, моральный урод, слюнтяй. Может, я слишком многого хочу от неё? Вот и сейчас: казалось бы, вернулся, наконец, домой целый и невредимый, с мешком денег, казалось бы, все должно быть хорошо, должна в доме поселиться радость, покой, какая-то гармония. Что же я вижу, вместо этого? Вернулся, ну и хорошо, НУ И ЧТО?

В первый же вечер – тяжёлый, неприятный разговор, полное непонимание друг друга, взаимная холодность. Как будто я никуда и не ездил, как будто просто где-то хорошо провёл время, а теперь пора и за дело браться... Ну и я, тоже, сразу «ощетинился» ... Что за жизнь?

...Ездил в университет – ещё одно тяжкое испытание. Старался ни с кем не встречаться. Почему-то было стыдно. Как будто я провинился в чём-то. А что, действительно: люди трудятся, пишут научные статьи, вкалывают за гроши на факультете, а я в это время где-то в экзотических краях ошиваюсь... И потом другое: что я такое, собственно? Все тот же мелкий преподаватель, теперь уже и не подающий никаких надежд. А тут ещё мысль о С. в голове свербит: как она там?

...Всякий раз, когда я начинаю рассуждать, пытаюсь найти выход, я прихожу к мысли о неотвратимости развода. И всякий раз, когда эта мысль становится убеждением, я вижу перед собой глаза Максимки, полные любви, восторга и преданности, и все планы меркнут в одночасье, уходят в небытие. Как же мне жалко сына, как мне жалко сына бывает! Я, как будто, расстаюсь с ним сейчас... Мне кажется, он уже достаточно натерпелся за свою такую недолгую жизнь. Иной раз подойдёт ко мне, прижмётся к руке своей щёчкой и поцелует руку тихо, украдкой... И все у меня в душе переворачивается. А вчера вообще потряс. Сидим с ним за столом – я его кормлю, – о чём-то говорим и вдруг он ко мне поворачивается и произносит: «Папа, я тебя люблю больше своей жизни». Тихо так сказал, без улыбки и в глаза мне серьёзно смотрит. «Я тоже тебя люблю», – заторопился я с ответом, но что тут можно сказать? Разве можно сравнить его чувство с моим?

...Сейчас сижу дома один, слушаю *Эллу Фитцджеральд*. Хорошо-то как. Прочёл, вот, свои старые записи. Местами показалось интересно, как-то даже трогательно – «берет за душу». Ведь, было все это, и было со мною. А теперь все это позади, все в прошлом. Нигерия – граница между прошлым и будущим.

Снова взялся за *Oscult* (Оккультные науки) *Колина Уилсона*. Первый вывод таков: человеку всегда хотелось выйти за пределы своего земного «я», расплываться с однообразием земного существования и одним мощным усилием воли объять Вселенную. Подчинить себе, одушевить нависший над ним бездушный Космос – вот в чем тайный смысл чёрной магии... По мнению автора книги, любое сильное чувство несёт в себе заряд энергии, способный разрушить защитную оболочку другого человека. Энергия мысли материальна, она способна проникнуть в чужую душу, растопить её как огонь воск... Это я хорошо чувствую по глазам жены, из которых прёт тяжёлая, гнетущая сила, рвущая защитную оболочку моего «я». An exceptionally gifted magician may be able to kill by the sheer force of concentrated hatred, especially if his victim is someone of unusual sensitivity... (Исключительно одарённый маг может убить свою жертву просто силой, направленной на него ненависти, особенно если жертва обладает повышенной чувствительностью...).

Надо сказать, у меня есть несколько книг по т.н. «оккультным наукам», или «искусствам», а там чёрт их знает. В основном, на английском, но есть и на русском одна и одна на французском. Самым первым моим приобретением была книга «Оккультное Искусство Древнего Египта» некоего *Бернарда Бромиджа*. Как она ко мне попала? Придётся признаться: стащил из местной библиотеки, когда работал на строительстве Высотной Асуанской плотины

в Египте. Утянул вместе с парочкой журналов «Новый мир» с напечатанными там рассказами А. И. Солженицына. Не смог удержаться. Как увидел её, аж дух захватило. И сразу начал читать, на мгновение погрузившись в мир древних богов, демонов, заклинаний и путешествий по потустороннему миру. Но очень скоро я ей пресытился: многого не понял, да и другие дела были. Так что я забросил ее в дальний угол. До лучших времён. Зато, как мне кажется, именно с её приобретением жизнь моя в Асуане круто изменилась. Я пошёл в гору, стал заметной фигурой на строительстве, в меня влюбилась страстная женщина, которая открыла мне радость ничем не сдерживаемого секса (см. мою книгу «Такая, Вот, Жизнь, Братец-2»). Так что, можно сказать, моя жизнь круто повернула в лучшую сторону, но чем это обернулось потом для меня, всем известно! ... Может, тогда, вместе с этой книгой меня заприметил сам *Люцифер* и, прельстив раскрывшимися перспективами, заманил в свои сети. В которых я и по сей день барахтаюсь!

Книга Колина Уилсона очаровала меня с первых строчек. Читать ее – одно удовольствие. Столько интересных, просто-таки захватывающих историй, фактов! Читаешь, как роман. Другая книга – «Искусство Чёрной Магии» *Ричарда Кавендиша* – более академична, поражает обилием деталей и глубиной проникновения в суть разных ипостасей оккультизма. Есть у меня также две книги известного французского каббалиста и чернокнижника Альфонса Луи Константа, который писал под псевдонимом *Элифас Леви*. Одну из них, «Историю Магии» в переводе на английский язык, я купил в Нигерии у коллеги-переводчицы, которой она была явно не по душе. Не знаю, зачем я это сделал. Читать я её не собирался, взял так, для коллекции. Просто поддался настроению или, может, попал под её чары.

И вот, теперь эта книга так и стоит у меня на полке все в той же обёрточной бумаге из нигерийского магазина, в которую я обернул её ещё на стройплощадке. Вторая книга того же автора называется «*Le Clef des Grands Mysteres* «Ключ великих тайн».

Это французское издание 1861 года, обильно снабжённое иллюстрациями, выполненными на отдельных листах из более толстой бумаги, некоторые из которых были кем-то до меня аккуратно вырезаны. Книга попала ко мне в руки совершенно случайно – мне её буквально всучил вместе таким же древним *Требником* на английском языке (*Book of common prayer*) один знакомый продавец букинистического магазина и мой бывший ученик. Этот старинный том с пожелтевшими, в ржавых пятнах страницами, притягивает меня своими иллюстрациями. Кто ей пользовался до меня и в каких целях, в чьей библиотеке она стояла рядом такими же странными фолиантами? Я не знаю, но... мне вдруг в голову пришла шальная мысль, что она может принести мне несчастье, и я уже было потянулся, чтобы схватить и выбросить её, но что-то остановило меня, какая-то загадочная диаграмма, состоявшая из связанных между собой кругов с надписями на иврите и французском внутри них. Под рисунком значилось «*Les Sephiroth avec les noms divine*» (Древо Сфирот с божественными именами). Где-то я уже видел эту схему?

Древо Сфирот с божественными именами

...Сегодня вечером жена показывала мне свои туалеты. Я следил за ее движениями и думал: «Вот, живёт, ещё не знает о моем «подарке», хотя и догадывается. Не представляет всей тяжести готового обрушиться на неё сюрприза...». Было тяжело, страшно хотелось курить... Всю нашу жизнь с ней я ее обманываю. Ее и себя. Тут, вот, ездили в Ваганово: смотрели дачу... Планируем поменять мебель... Я иду у неё на поводу, я просто не знаю, как будет дальше... Постоянно кусаю ногти: не могу сдержаться...

...Мне необходимо сохранять душевное равновесие, стараться не дать силам зла брать верх над собой... Не переходить за грань разумного... «Я вернулся из страны черных шаманов», сказал я себе, «и их дух бродит у меня в крови...».

...Уже месяц, как я дома....

Мне нельзя долго оставаться без дела. Я чувствую себя выброшенным из жизни... Всё твержу себе, что надо писать о конкретном, а на деле ничего не получается. Поэтому начну с простого, обыденного. Сейчас, вот, сижу за письменным столом в наушниках и слушаю кассету с хоралами *И. С. Баха*. Здорово: рука пишет, а скрипа пера не слышно и в ушах божественные звуки органа. Дожил, все-таки! ... Так, слушать Баха надоело, и я переключился на чтение... *Псалтыря!* Все ищу в псалмах чего-то своего, сокровенного. А нахожу одни угрозы, призывы, да набор чуждых слуху имён!

...Все это было поздно вечером, но, к сожалению, день Бахом не закончился. Взял в руки книгу *Альфонса Леви* по магии, уселся на диван и вдруг (как это у меня теперь часто бывает) ... одолела похоть. Вышел на балкон и изверг семя на торчащую внизу чью-то лысину (хорошо, что промахнулся). И, вроде бы все правильно сделал – ведь это своего рода очищение, – но что-то подсказывает: зря! Это, ведь, сила, живая материя. В ней заключена частица мирового духа. Отторгая ее от себя, не становишься ли духовно беднее?...

...Сегодня утром простился с Усть-Нарвой (Эстония), с нашей дачей там. Побыл там всего неделю, а, кажется, прошла целая вечность. Ночь стояла холодная, и утром моё решение уехать в Питер никому не показалось странным. На выезде из Усть-Нарвы наблюдал любопытную сцену. Даже не сцену, а так – эпизод из местной жизни. Автобус остановился на перекрёстке, и тут я увидел старуху. Одета во всё чёрное, она медленно шла по пешеходной дорожке, идущей вдоль белого фасада расположенного поодаль барака. В руке у неё была длинная клюка, и передвигалась она с трудом, еле передвигая ноги и только изредка поднимая голову, чтобы оглядеться. «Вот, подумал я, уже одной ногой в могиле, а ведь не скажешь, что мертва».

Дверь мне открыла Лариса. У неё было измождённое, серое лицо: только что пришла с работы после суток. Всё-то она суетится, мельтешит: старается дом в порядке держать. Максимке так обрадовалась, аж засветилась вся. Я даже приревновал его к ней немножко.

Дома опять началась моя бестолковая возня с книгами: бросил, не дочитав, историю магии, вытащил учебник по английскому языку *Б. А. Ильиша*, потом стал рыться в коробках с книгами из Нигерии. На глаза бросилась яркая обложка бестселлера по воспитанию ребёнка, полистал ее с полчаса и тоже бросил. Потом взял в руки *Евангелие*, начал с Иоанна, прочёл четыре фразы и бросил: надо было идти ужинать. И все это урывками, без какой-либо цели: читаю, что в руки попадёт. А сейчас, вот, решил заняться переводом гороскопов...

...Последние дни чувствую себя неважно. Плохо сплю, какие-то боли в паху, и вообще – то сердце, то печень... Наверно, акклиматизация. А примерно месяц назад у меня было «событие». Ночью, уже лёжа в постели, вдруг обнаружил у себя в мошонке твёрдый шарик, вроде как горошину, застрявшую в ткани. Стало так страшно, аж пот холодный прошиб. «Вот, оно, наказание», подумал я. За всё. Три дня провёл в мучениях, пробовал смазывать его йодом – не помогло, только ожог получил. Каждую ночь, ощупывая желвачок, катал его меж пальцев, думал, сам пройдёт, исчезнет (тема Ивана Ильича). Потом привык (наверно, обычный жировик, у меня есть и другие), а вот, сейчас что-то тянет в паху. Может, просто оттого, что не сплю с женой, *да и не хочется*, ведь, это как бы накидывает на меня узду, смиряет с моим двусмысленным положением. ...Заметил, что после акта наваливается равнодушие к себе и своим проблемам... Ну, ладно, а что сегодня? Ведь, как договаривались? Пишем о конкретном? Утро. Яркое, тёплое, летнее утро, после холода и круглосуточного дождя. Но я почему-то в прескверном настроении. А-а-а! Поздно проснулся и сорвал все планы на день, опять ничего не сделано

из того, что намечал. Вот это-то меня и смущает. Не вижу сдвигов в положительную сторону. Все так же бездарно, впустую проходит время. То одно, то другое...

...Много времени отнимает Максимка. И главное, мне ничему его не удаётся научить... Днём, за обедом, разыгралась безобразная сцена. Сидим за столом: я, Л. и Фролыч (мой отчим). Жена, которую я видимо уже «завёл» своими шпильками в её адрес, отыгрывается на Максимке. Пристала к нему, как банный лист к ж.: «ешь», да и только. «Держи ложку, как следует, ешь суп, не жуй один хлеб, перестань болтать за столом, не вертись, не играй ложкой в тарелке» и т. д. и т. п. И так всё злее, истеричнее. Фролыч (дай Бог ему всех благ, удачи в жизни) сидит, уставившись в тарелку, чувствуется, сильно переживает за внука. Я пару раз пытаюсь ее урезонить, но она – ни в какую. Прямо из себя выходит. Максимка тоже весь дрожит от злости, того и гляди запулит в неё ложкой или тарелку опрокинет (конечно, не привык к понуканию: не то, что с бабушкой). В общем, дикая сцена, писать об этом тяжело...

А вечером был во Владимирском соборе на Петроградской стороне. Там была служба. Пели хорошо, проникновенно. И свечи везде, и смиренные фигуры молящихся людей. Я, как ни сопротивлялся, не смог противиться этому покою, который входил с пением в душу... А главный поп был мужик устрашающего вида, на голову выше всех. Такой огромный детина, как идол: голова громадная, волос чёрный, патлы в разные стороны, как парик, лицо полное, как бы распухшее, глаза навывкате, светлые, холодные, «не наши», борода торчком... Было что-то дьявольское в облике его (под влиянием книги Э. Леви)...

...Все-таки, это наверно своего рода наказание – жить в семье и чувствовать себя на отшибе... Вот мы прожили с Ларисой уже без малого 15 лет, а что вспоминается? Одни ссоры да размолвки. А так, все молчком-молчком, и каждый в своём углу...

...Сейчас пишу письмо в Москву: вымучиваю из себя каждое слово, высасываю из пальца... Может быть, оттого, что только что «самоудовлетворился» ... С другой стороны, и хорошо: теперь ничто не отвлекает. Немного страшновато: вот, уже 40 лет на носу, а я все так же, как в молодости – не могу сдержаться. Теперь, правда, жаль «выброшенной на ветер» спермы. Все ловлю себя на мысли: вот, ел, пил и – все «псу под хвост».

...Время – ценная вещь, но так ли это? Я его не ценю. У меня сейчас постоянно *прорва* свободного времени. При этом все время куда-то тороплюсь, ругаю себя за безалаберность. Вот и сейчас – корплю над переводом гороскопов. А зачем? Просто так: проба пера. Голова пуста, ничто по-настоящему не заботит. Мысли, как блохи, перескакивают с одного на другое. А руку так и тянет в трусы. «Левою рукою, тихо сам с собою я веду беседу».

...Снова погряз в дерьме. Опять *так и подмывает развестись*. Тут, было, совсем решился. Ходил, раздумывал, взвешивал все «за и против» и всё сходилось к одному: *надо*. На этот раз рассуждал приблизительно так: мол, поскольку я такой мерзкий тип – и чем дальше, тем хуже, – с нашей совместной жизнью надо кончать. И для сына нашёл объяснение: мол, мы с мамой отравляем друг другу жизнь, больше так нельзя, надо жить врозь. Немного смущала сама техника дела, но сейчас я, слава Богу, при деньгах («богатенький Буратино»), да и свободного времени куча... (Л. так и сказала: «нашёл себе занятие – разводиться»). Думал, будет на этой почве скандал и это подтолкнёт меня к дальнейшим действиям, а скандала не вышло. Л. оказалась умнее и душевнее (а может, хитрее?), и все само собой затормозилось, ушло куда-то в сторону. Впервые мелькнула мысль, что может, мне с ней не так уж и плохо, может, все мои планы – чистая *туфта*.

...Сегодня проснулся очень рано, ещё не было шести. Город лежал в белой утренней дымке, словно карандашный набросок на белом ватмане. Проснулся с тяжёлым чувством чело- века, пережившего большую беду, с «осадком на душе». Мне приснился неприятный сон, сон- притча, сон-поучение. Помню, меня так и долбануло: а, ведь, сон-то со смыслом и послан мне в назидание. Но в чём оно, я не знаю. Видел во сне отчима, он сообщил мне, что Максимка в детском доме, и мы пошли с ним туда... Вхожу и вижу огромную спальню, в ней масса детей

дошкольного возраста. Кто-то невидимый отдаёт команды, и дети делают какие-то упражнения, не то зарядку, не то какой-то лечебный комплекс, при этом все лежат в кроватях и энергично машут руками и ногами. Вижу, что и Максимка лежит на спине и машет ожесточённо ручками с сердитым, страдальческим выражением на лице. Глаза его тёмные от гнева, а лицо все красное от напряжения. Взглянул на нас и молча отвернулся к стене, и тут я заметил, что на виске у него выступила вена. И как-то мне вдруг тягостно стало, жалко его, а сделать ничего не могу... Тут я и проснулся.

...Как подчас создаётся настроение? Вот, я тут читал книгу по мистике, и было на душе и радостно и торжественно, как будто причащался к чему-то таинственному и прекрасному. Потом взял книгу о перипетиях смерти и умирания, прочёл несколько строк, наткнувшись взглядом на слова «рак», «лейкемия», «необратимый процесс», и сразу же в голову полезли мысли о неотвратимости болезни, о тщете всех усилий, устремлений к познанию, планов, надежд. Все в один момент куда-то рухнуло, мир обесцветился, поблёл, и ничего больше не виделось, кроме больничной койки. В сущности, мысли о смерти у меня возникают регулярно. Вот и сейчас, когда взят билет на самолёт во Львов к одному приятелю по Нигерии, опять те же страхи, те же предчувствия. Ну ладно, сказал я себе, завещания писать не стану, но со всеми прощаюсь и всех благословляю. Аминь!

...Опять взялся за старое: большой палец в рот, зубы впиваются в мякоть подушечки у кончика ногтя, отрывают тонкие лоскуты кожи, которую я с наслаждением жую. И полон рот слюны... А за стеной Максимка в постели ожесточённо крутит баранку воображаемого автомобиля и гудит, подражая реву мотора. В любой момент он может вскочить с кровати и мне придётся бросить своё занятие...

...Вспоминается, как в один туманный день начала осени я оказался у Кировского моста. Не помню, каким ветром меня занесло туда, может, просто бродил по городу, «погруженный в думы», и очнулся в этом месте. Я стоял у чугунной решётки набережной, недалеко от моста, ведущего через канал на Петропавловскую крепость, и смотрел на тихую гладь покрытой фиолетовыми разводами воды. У самого края гранитного отвеса набережной в спокойной темной воде плавали четыре уточки. Они ныряли, одна за одной, уходя в глубину и всплывая совсем в другом месте, беззвучно и неожиданно, как поплавки... А то, вдруг, они все разом уходили под воду, и тогда на весь пейзаж опускалась тоскливое покрывало осенней промозглости...

...День, полный неожиданностей... Какой же я варвар, в самом деле! Сейчас я страшно устал, но мне очень хочется записать впечатления этого дня. Был у своего университетского коллеги Толи Ж. Впервые испытал чувство белой зависти. Дом у него – настоящий музей. Не знаю, комплимент ли это. Первое, что бросилось в глаза, это – маленькая, почерневшая от времени статуэтка Будды на этажерке со столешницей из чёрного мрамора. Когда зашёл к нему в кабинет, просто обомлел: прямо на меня со створок старинного, резной работы шкафа смотрели бронзовые головы горгулий. Рядом стоял такой же старый, тёмного дерева стол, на столе расположились разные диковинные вещи: бронзовые канделябры, лампа в стиле «ар нуво», всякие безделушки. Чего только не было! Просто глаза разбегались... У стены стояло кресло с настоящей, потрескавшейся от времени кожей, на стене висело настоящее, XVIII века полотно, портрет какой-то аристократки... Рядом стоял итальянский свадебный сундук – *коссон* – тоже весь резной («морёного дуба», бросил небрежно Толя). Он открыл его, а там четыре или пять ондатровых шапок. С потолка свисала изумительной работы люстра... Дальше он повёл меня в спальню. Говорит, что обставил в английском стиле. Не знаю. Посреди крошечной комнаты стояла огромная красного дерева кровать, в углу красовались напольные часы (*Шертон*?), повсюду стояли какие-то витиеватые стулья. Ночной столик – вообще что-то невообразимое: верх инкрустирован ценными породами дерева. На столике китайский фарфор, на стене висело венецианской работы зеркало XVII – XVIII веков. Тут же стояла китайская горка с драконами, а в ней сверкал хрусталь, старый, тяжёлый... Потом мы прошли в столовую, там усе-

лись на покрытый шкурами *лаек* диван с *сомалийскими* подушками из верблюжьей кожи с тиснением, а на полу лежал синий суконный палас... Я просто перечисляю то, что запомнилось, но там было всего так много! Я терялся в догадках, откуда у него все это. Т. бывал за границей, деньги у него водились, но чтоб все это купить, нужны богатства! «Я уже давно собираю такие вещи, тащу домой со всех поездок», как бы оправдываясь, сказал Толя. Да, конечно, он коллекционер со стажем, да и жена у него работала в комиссионке, но тут столько всего! Потом, насладившись моим откровенным восхищением всем этим добром, он повёл меня на кухню. Вот тебе на! В раковине навалена целая гора грязной посуды. Тут же установлена ванна (старый дом!), а в ней – замоченное белье в тазах... На стене фарфоровые тарелки, расписанные в стиле *Веджвуда* (?). Толя открыл буфет, а там резные, тёмного стекла графины, огромные серебряные ложки, вилки, вазочки, тарелки. И опять же, на кухне – изящная люстра. Потом мы вышли в коридор, где стояли, сваленные в углу трости. Одна, с серебряным набалдашником в виде конской головы, была необыкновенно изящна, другая, ещё более старинная с серебряной чеканкой тончайшей работы на чёрном дереве, поражала своим благородством... И вокруг было столько всякой всячины... И дверь с целым набором замков.

...А жена у него симпатичная, мило так улыбается, щурится, ей это идёт. Много его моложе. Я так расчувствовался, что даже свой зонтик забыл. Потом вернулся, она мне его на лестницу вынесла. Я в благодарность брякнул что-то невразумительное... Жаль, не успел посидеть, поговорить с ним: надо было идти на урок к *Скрынниковым*.

...Не перестаю задавать себе один и тот же вопрос: почему я бросил работать над диссертацией, что мне помешало ее закончить? Ищу оправдания себе и первое, что приходит в голову, следующее: я потерял веру в себя. Но почему? Ведь, написал половину работы, были готовы статьи. Все было на мази: и руководитель пробивной, и рецензенты все знакомые... А, вот, сломался. Или, просто, клюнул на наживку, заброшенную бесом? А теперь, спустя два года, – «снова за старое». Два года в Нигерии начисто отбили у меня всякую охоту не только заниматься наукой, но и вообще, жить, как прежде. «Нет, это просто уму непостижимо, говорю я себе, провести два года у чёрта на куличках, заниматься там чёрт знает чем, и после этого, как ни в чём не бывало, снова тащиться в „Публичку“». Да, это же наглость неслыханная: все забыл, но при этом делаешь вид, будто, так и надо» ... Сейчас, тем не менее, чувствую новый прилив сил, «второе дыхание». Многие проблемы решаются сами собой. Начинаю даже оправдывать свой «побег» в Нигерию.

...Кстати, я теперь по утрам бегаю трусцой (do jogging). А что: деньги есть, можно и о здоровье подумать. Не знаю, насколько меня хватит, но пока что нравится. Наша, Свердловская, набережная очень красива: вся одета в гранит, с красивыми газонами и фонарями. Но и набережная напротив, на той стороне Невы, тоже хороша по-своему: прямо к воде спускается парк, за деревьями которого видны здания быв. *Смольного института* и *Смольного монастыря*. По утрам, когда стихии ещё в согласии друг с другом, стоит прекрасная погода. Лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь тонкую пелену облаков, зажигают ярким пламенем золотые маковки куполов Смольного Собора, небо светлеет, воздух прозрачен и чист. Тишина. На гранитном парапете стоят, покачиваясь на тонких ножках, чайки нежнейшего дымчатого оперения. Они с любопытством следят за моим приближением и лениво снимаются с мест, когда расстояние становится небезопасным. Набережная пуста. Одинокая фигура рыбака в брезентовом дождевике с прислонённой к парапету удочкой перечёркивает уходящую вдаль прямизну гранитной облицовки. На пути мне часто попадается один и тот же старичок. Он бежит мне навстречу. В костюме, галстуке и шляпе он выглядит комично. На бегу бросает на меня живой, полный любопытства взгляд, словно здороваётся. А сегодня, когда я прибежал на место, где я делаю зарядку, он ещё был там, на гранитном спуске к воде: сняв пиджак и шляпу, делал приседания... Красная от загара лысина блестела в венчике седых волос.

...Днём просиживаю штаны в Публичке. Вижу знакомые по прежним годам лица, но как все изменились! У некоторых на лице появилось выражение самодовольного превосходства, другие же, наоборот, как-то потускнели и согнулись, словно под тяжестью приобретённых знаний. Я видимо тоже изменился и притом не в лучшую сторону.

...По утрам часто не знаю, что на себя надеть. Хочется покрасоваться в чем-то новом, но если подумать, то зачем? Здесь котируется только научный успех. Мой руководитель недавно побывал в *Штатах*, а ходит все в том же старом китайском плаще. Это своего рода мимикрия. Зато молодёжь одевается по последней моде: новые джинсы, попсовые рубашки. Однажды я зашёл в комиссионный радиотоваров. Там стоял продавец в джинсовом костюме, а на руке его красовались новенькие часы «Сейко».

...Помню, в Нигерии я тоже позарился на «Сейко». Дело было в *Ибадане*, куда мы приехали на экскурсию. Я шёл по улице и увидел торговца, всего обвешанного часами. Он, что называется, торговал «с рук». Мне бы пройти мимо, ведь предупреждали, «не покупайте ничего у спекулянтов». Но уж больно приглянулась одна модель: солидные и современные, в толстой стальной оправе и растягивающимся браслете, часы выглядели броско и внушительно. Ну, я и взял. Заплатил немалую по тем меркам сумму: 40 найр (около 40-ка долларов). Но от «Сейко» в них был только браслет: сами часы же оказались обыкновенной штамповкой.

...Сегодня – опять кошмарный сон... Precognition? Мне снилось, будто я звоню по телефону в Москву, на другом конце берут трубку, слышу мужской голос (странно?), спрашивают кто, я называю себя, просят подождать и кладут трубку на стол, так, что мне все слышно, что делается в комнате. Мужчина спрашивает, что мне сказать, и я слышу из реплик, что *ребёнок родился мёртвый*... Вот такой сон.

...Вчера опять (в который раз) пришёл к выводу о нашей полной несовместимости с Ларисой. Вечером подслушал ее разговор по телефону с Москвой. Звонила нашему приятелю по *Асуану* (с которым у неё были там «шашни»). Поздравляла с днём рождения. При этом закрыла дверь на кухню, но мне все было слышно из лоджии. И сразу же, как иглой, пронзило сердце: сколько в её голосе нежности, тепла! Меня всегда поражает в жене та лёгкость, с которой она переходит от одного настроения к другому: от грубости и деловой безапелляционности к нежности и интиму. Вот и вчера тоже: пришла домой мрачная, что-то цедила сквозь зубы, а через мгновение – нежное воркование по телефону. Может, я ревную ее к нему? После всего, что я натворил? Нет, это, скорее, осознание того, что ей нельзя верить.

Сегодня ночью у меня было видение. Я представил себе С. роды. С. лежала на операционном столе, и я видел весь процесс под углом зрения, как теперь принято показывать в откровенных документальных фильмах: со стороны ног. Ее ноги были согнуты в коленях и широко расставлены, открывая детородный орган. С моей точки обзора он казался неким темным пятном, кровоточащей щелью. Он был словно вход в пещеру, спрятанный между двумя гладкими утёсами... И вдруг из этой щели показалась мокрая голова ребёнка с прядью спутанных, прилипших к темени волос. Она двигалась прямо на меня! Глазки ребёнка были закрыты, и все его личико изображало ужас и крайнее напряжение. Зрелище не из приятных, а ведь есть люди, которым приходится чуть ли не каждый день лицезреть такое!

День уродств. День неудач. Теперь почему-то хорошо помню сны, хотя и фрагментарно. Сегодня во сне я вёл машину. Куда-то ехал. Приехал к развалинам. Столбы и стены вокруг, и все покрыто жирной слизью. Я стою на каком-то островке, возвышающимся в омуте грязи. Повсюду воронки, заполненные жирной жижей. В отдалении стояла какая-то женщина с детьми, двое. Один пошатнулся, перетаскивая игрушечную машину и, теряя равновесие, схватился за плечо другого, совсем ещё крошечного мальчика, и чуть не свалил его в грязь. Хорошо, что женщина вовремя схватила их и удержала обоих от падения... Чувство вины. А днём – тоже странности... В автобусе очутился нос к носу с женщиной с лицом, распухшим и разукрашенным сизым отёком с одной стороны, и жуткими наростами, свисающими

кусками серого теста с другой. Все, кто видел ее, тут же отворачивались и уходили в другой конец автобуса, а она хоть бы что: стала выпрашивать у меня, как проехать к Эрмитажу. «Всё тлен», подумал я. «Все ляжем в землю или вознесёмся пеплом в воздух: и красивые, и уроды. Все земля скроет». Мысли о Христе и прокажённом. Мысли о людях, работающих в больницах, в *хосписах*, о врачах... На въезде на Дворцовую площадь глаза ослепил сверкнувший на солнце куском расплавленного золота шпиль Адмиралтейства. Потом – Дворцовый мост и тёмные каменные львы на спуске, застывшие над белёсой рекой. Все было так красиво! «Все так и останется, а меня уже не будет, и уже другие будут любоваться этим великолепием...», подумал я. Потом в автобус влез явный псих. Подойдя к кассе, он на весь автобус заявил, что ему надо уступить место. Он был молод на вид, но уже с приветом. И считает, что имеет право... Сколько сейчас таких.

А вечером, на обратном пути – ещё одна ужасная сцена. Прямо на проезжей части лежит сбитая машиной женщина. Я сидел и читал, и вдруг слышу, кто-то рядом говорит «смотри-ка, женщина лежит прямо на мостовой». Я взглянул и действительно: стоит пустой автобус, а перед ним женщина, ногами в нашу сторону. Лица не было видно, только голые ноги, и они белые там, где кончаются чулки. Лежит, молчит и только слабо так рукой пошевеливает. Я сразу опустил глаза, ощутив какой-то толчок в сердце. Откуда он шёл: от меня или от неё?...

Гадание, но не на кофейной гуще

...У меня есть английская версия китайской книги предсказаний «И ЦЗИН» (Книга Перемен). Теперь я часто в неё заглядываю. Вот, например, что она сообщила мне сегодня: You are going to lose some possessions (предстоят потери имущества). Все предсказания плохие!

...После короткого «спурта», когда казалось, что всё преодолимо и всё мне под силу, я снова валюсь в яму безысходности... Работы с диссертацией непочатый край, а знаний – никаких. На службе тоже пребываю в состоянии «тихого отчаяния». Проваливаю урок за уроком: не знаю, как подать материал, как заставить студентов работать. Дома – никакого желания участвовать в семейной жизни. Как можно быть искренним, когда душа болит о другом человеке! Во всех моих действиях одна фальшь. На работе, дома, по отношению к себе, своим близким... *И все время в голове свербит мысль о смерти, неминуемой, близкой, желанной...*

Днём на факультете сидел один в аудитории, отпустив студентов на 15 минут раньше звонка (уже не в первый раз!). Занятие было сорвано. Поначалу ребята чего-то переводили, но я был не готов, они были не готовы. В результате зашли в тупик, и я не выдержал: накричал на них и закончил урок. Сколько времени должно пройти, прежде чем я научусь преподавать, буду знать, что делать на занятии, перестану блуждать в потёмках.

...Понял, наконец, откуда это ощущение крайнего неудобства и беспокойства, которое охватывает меня в Публичке. Я здесь просто просиживаю часы, просматривая литературу, совсем не относящуюся к моей диссертации (сейчас, вот, читаю статью о *философии элеатов*, а зачем и сам не знаю, просто интересно). Время идёт, я изредка поглядываю на часы, висящие над входом в зал, – их стрелки неумолимо движутся, час за часом отмеряя отпущенное мне время, – и вот уже конец, пора уходить, а я так ничего и не сделал: что-то выписал, что-то узнал, но ни на йоту не продвинулся вперёд! А время-то ушло! Я выбросил на ветер ещё один день жизни... А вечером, разговоры с женой...

...Очень важно, как мне кажется, в минуты душевного смятения находить что-то позитивное в своих поступках. Для этого есть целый ряд приёмов. Например:

1) В том, что я делаю, как живу, проявляется воля высших сил. Даже ошибки мои, явные отклонения от здравого смысла, можно рассматривать как своеобразие моего пути, скрытый замысел моего предназначения...

2) Все образует, так или иначе. А как, не важно. Пока жив, живи и не стони.

3) Эта жизнь вообще не имеет значения. Все, что я ни делаю, я делаю только, чтобы как-то занять себя, отвлечь от мысли о надвигающейся смерти. Даже мои переживания по поводу семейной жизни, это тоже своего рода шоры, которые я надеваю на глаза, чтобы не видеть «реальной угрозы». И т.д., и т.п.

...Вчера вечером дома был эпизод. Мы играли с Максимкой в прятки, носились по квартире, как угорелые. В какой-то момент я выскочил из спальни, сильно его напугав, и он в испуге схватил первое, что попало под руку, а это оказалась тяжёлой литой машинкой из цельного куска свинца, которую он кинул в меня, попав в левую ключицу. Удар был болезненным, и я повалился в кресло, схватившись за плечо и скрючившись от боли. Увидев мою перекошенную физиономию, сын страшно перепугался, а я ещё подлил масла в огонь, сообщив, что теперь наверняка заболею и могу умереть, «как дядя Вова». Услышав этот страшный вердикт, он, как безумный, забегал по комнате, хватаясь за голову и ругая себя самыми бранными словами, на которое был способен. «Сволочь я, сволочь!», выкрикивал он, подбегая ко мне и молотя себя кулачками по голове. «Если ты умрёшь, папа, я себя тоже убью!», выкрикнул он и зарыдал, закрыв лицо руками. На мгновение мне стало страшно, словно бездна открылась под ногами. «А, ведь, он действительно не переживёт», подумал я и бросившись к нему, стал его обнимать и тормошить, словно хотел вытряхнуть из него эти страшные мысли.

Максимка с любимой бабушкой в Усть-Нарве

Брата жены Володю я мало знал, и если откровенно, то он мне был неинтересен. Младше меня лет на пять-шесть, он казался мне ещё совсем юным. Впечатление усиливала его доверчивая, почти детская манера делиться со мной своими любовными приключениями (он имел

успех у девиц). Ветреный, лёгкий в общении, добрый, но необязательный, он казался мне недалёким и беспечным. Этаким маменькин сынок. Я помню его студентом, в кругу таких же, как он, весёлых и беспечных юношей, вечно стремившимся улизнуть из дома, стряхнуть с себя мамино влияние, которое проявлялось в желании контролировать все его действия и поступки, но понимающим, что без «предков» он, как без рук. Он любил свою сестру любовью младшего брата, всегда готов был прийти ей (да и мне) на помощь, но что он мог! В моей памяти он таким и остался, весёлым и добрым, с очаровательной улыбкой на красивом, южнорусском лице, и бурной жестикуляцией южного человека (их бабка была чеченкой), и мне было страшно жаль и обидно, что так нелепо и быстро оборвалась его короткая жизнь. Главное, в нем не было злости и зависти, которыми страдали все мои однокашники. Университет он так и не закончил, и не мудрено: он учился на матмехе – самом трудном факультете. Потом его устроили лаборантом, а потом, вдруг, этот страшный диагноз: рак носоглотки. Новость о том, что у него рак, он, как мне кажется, воспринял спокойно, и скорее, мужественно. Наверно, просто не понял, поначалу, что обречён. А потом, когда его затянула болезнь, с её больничной жизнью, «химией» и т.п., он просто принял все это, как должное. Родители делали все, что могли, а ему становилось все хуже. Он сильно изменился. Помню, как я был поражён, увидев его с обгорелой шеей и потухшим взглядом миндалевидных глаз. В последний раз, когда я навестил его в больницу (откуда он уже сам не вышел), я был потрясён его видом: голова его распухла и была похожа на шар. Он уже плохо соображал, ему что-то мерещилось – видимо метастазы проникли в мозг. «Вон, посмотри, посмотри», шептал он мне хриплым голосом, показывая на окно. «Видишь, там парень стоит, мне рукой машет? Это мой кореш, он рядом лежал. А теперь уже на свободе гуляет...». Не знаю, почему, но я не пошёл на его похороны. Теперь, вот, жалею...

И ЦЗИН: If you think that everything is now going to be easy – think again! You will have to strife (если думаешь, что все будет легко, то ошибаешься. Придётся бороться).

...Сегодня С. мне как-то странно приснилась. Проснулся в четыре утра и больше не смог заснуть. Помню очень мало, но главное – ее внешний вид. На ней было чёрное платье, собранное на груди мелкими складками и ниспадающее к ногам широкими фалдами на манер греческих туник. Было понятно, что это покрой, предназначенный для беременных женщин, но почему чёрное? Она, вдруг, возникла передо мной в каком-то ореоле: лицо пунцовое, щеки горят, глаза загадочно полузакрыты, ресницы белёсые от падающих на них лучей солнца. Взглянула на меня, загадочно улыбнулась и исчезла, так ничего и не сказав...

И ЦЗИН: You must expect a month of troubles (Предстоит месяц неприятностей). И ещё: For some time ahead your movement will be unsettled and you are likely to travel (по истечении некоторого времени твои передвижения станут неупорядочены и тебе, видимо, придётся попутешествовать). А мне, как назло, начинает нравиться моя теперешняя жизнь. Я прижился в семье, за мной ухаживают, на работе отношения постепенно налаживаются. И вообще, все лучше, чем я предполагал. За что же все эти муки!

И ЦЗИН: A dark and sinister omen. You will hear of some very bad news affecting others (Туманное и зловещее предсказание. Ты услышишь очень плохое известие в отношении других). И ещё: Illness and misfortune are going to be overcome – either by you or persons near you (Болезни и несчастья: либо тебе, либо твоим близким придётся их преодолеть). Опять пугающие предзнаменования! Одно хуже другого. То ли кто-то шлёт на мою голову проклятия, то ли это проекции моего больного воображения, мои собственные предчувствия, угадываемые книгой. Факт тот, что книга все время предупреждает меня об опасности. И она грядёт!

И ЦЗИН: Within six months you will change your address (через полгода ты сменишь адрес). Все так конкретно! И ещё: You will profit from boldness of decision and action (От смелости своих решений и действий получишь выгоду). Вот, есть над чем поразмышлять. Эта книга толкает меня на «преступление»!

...Наконец-то свершилось! С. разрешилась девочкой. Как я и предполагал, все произошло в роковую для меня дату – в ночь на 18.10. Восемнадцатое число – заколдованная цифра. Теперь, когда все самое страшное позади (?), на душе легко и радостно. У меня есть дочь, появился на свет человечек, который понесёт моё семя дальше, в века.

И ЦЗИН: Expect to lose valuables or loose sums of money (готовься к потере ценных вещей или лишних денег). Прочно попал под влияние этой книжки. Главное – все просто, не надо напрягаться. Набрал нужную комбинацию линий, и ответ готов. Предсказания все время идут с негативной окраской, книга словно запугивает меня, предупреждает о надвигающейся опасности. Естественно, первое, чего боишься, это чтоб не случилось чего-нибудь плохого там (пишу почти открытым текстом, причём дневник не прячу. Не знаю, но почему-то уверен, что, если даже Л. его и прочтёт, ничего не изменится...).

Роковое признание

...На днях произошло событие, которое резко отделило мою теперешнюю жизнь от прошлой: *я признался жене в существовании дочери...* То, что за этим последовало, трудно описать словами. Я уже привык к глубине и драматичности переживаний своей жены, но в этот раз я испугался за ее рассудок. Чёрт меня дёрнул за язык! Да, именно чёрт толкнул меня на это! Мне, видите ли, захотелось, чтобы она знала, каково мне было все это время. Я уже несколько раз подбирался к разговору, намёками, особой интонацией в голосе показывая, что в моей жизни действительно происходит нечто важное, чтобы она не думала, что я ее разыгрываю. Вот почему мне так хотелось сказать ей об этом. Меня принимали за какого-то *фраера*, а я, между тем, переживал бурные страсти, да ещё так, чтобы это не бросалось в глаза... В результате она была на грани безумия. Хотела покончить с собой, умоляла Бога дать ей средство умереть. А я был рядом, молча ходил из комнаты в комнату, не зная, что делать, как ей помочь. Да она в тот момент обо мне и не думала совершенно. Это был удар ниже пояса, это было настоящее *предательство*. Она могла понять измену, тут была и ее вина, но, чтобы такое сделать! Значит, вся ее жизнь со мной – ошибка, значит, отказ от других вариантов был напрасен, напрасна жертва, которую она принесла на алтарь нашей семейной жизни. Она же старалась, как могла, возводила здание нашей семьи, которое я в одночасье разрушил...

...Ещё один тяжёлый день. День душевных и физических мук. С утра понял – быть беде. Почувствовал, как где-то в глубине моей башки зарождается очаг боли, словно первое звено спирали электроплитки, готовый раскалить голову до предела... Сразу же определил причину: *накануне переспал с Л.* Я проснулся ночью, в полной тьме, и ничего не видя и не понимая где я, полез к ней, даже не открывая глаз. Все делалось на ощупь: вначале почувствовал тепло, идущее от ее тела, осязал бархатистую мягкость кожи и, открыв глаза, увидел, как ее рука, словно раненная птица, то поднялась в воздух, то снова бессильным крылом опустилась на простыню. Потом она слабым движением, словно нехотя, провела ей мне по груди, животу и ниже. И все стало ясно, но... отступить было некуда: *позади Москва*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.